

ДО ІСТОРІЇ ЛИСТОПАДОВОГО РЕЙДУ 1921 р. ЧАСТИН АРМІЇ УНР ПІД КОМАНДУВАННЯМ Ю. ТЮТЮННИКА В УКРАЇНУ

(Документи ЦДАГО України
про долю групи учасників рейду)

В історії Української революції і визвольних змагань 1917–1921 рр. є дві пам'ятні події, в яких органічно сплелось героїчне і трагічне: Крути (1918) і Базар (1921). Якщо бій під Крутами 29 січня 1918 р. став символом героїзму українців, їх молодого покоління у боротьбі за національну і державну незалежність, сповнив душі українських патріотів оптимізмом, то розстріл 359-ти українських старшин і козаків 22 листопада 1921 р. біля с. Базар на Житомирщині як наслідок невдачі Другого Зимового походу підвів трагічну риску під українськими визвольними змаганнями.

Події Листопадового 1921 р. рейду Повстанської Армії під командуванням генерал-хорунжого Ю. Тютюнника в радянську Україну знайшли певне відображення в історичній літературі як на еміграції, так і в сучасній Україні. Оприлюднено чимало спогадів учасників рейду, документальних джерел, пов'язаних з цією подією. Однак час від часу з'являються нові документи, які доповнюють наявну інформацію про Другий Зимовий похід 1921 р., слугують більш глибокому ознайомленню з перебігом тих подій*.

Загалом перебіг Другого Зимового походу 1921 р. добре відомий: він закінчився поразкою і відступом повстанців. 17 листопада 1921 р. біля с. Малі Минькі Овруцького району на Житомирщині більш як тисяча воєнків Волинської групи із складу Повстанської Армії під командуванням Ю. Тютюнника були оточені трьома тисячами червоної кінноти Г. Котовського. За даними радянської сторони, в бою було знищено понад 400 повстанців, захоплено в полон 537 осіб. Зуміли unikнути загибелі й пробилися на польську територію 120 воєнків¹. Перед надзвичайною п'ятіркою, складеною з командирів КВО і співробітників Київської губернської надзвичайної комісії (російська абревіатура – ВЧК), постало 443 чоловіка з числа захоплених українських повстанців. До страти було засуджено 359 чоловік (за іншими даними – 360). Згідно з деякою інформацією, у списку Надзвичайної п'ятірки під № 360 значився полковник В. Раввич-Каменський, який у листі від 23 лютого 1942 р. до генерал-хорунжого В. Петріва писав, що він утік з-під охорони і перший з'явився в табір Щепіорно (Польща), де й повідомив про розстріл 359-ти повстанців².

Якщо трагічна доля жертв Базару відома, то мало хто знає, що з числа захоплених у полон повстанців вісім чоловік було вилучено для додаткових допитів з метою отримання інформації про політичне керівництво

* В “Архівах України” 2001 р. було опубліковано матеріал про Листопадовий рейд 1921 р. на підставі архівно-слідчих справ, що зберігаються в ЦДАГО України. Нинішня публікація продовжує знайомити читачів журналу з новими знахідками в архіві, що стосуються згаданої події.

УНР, наявність української агентури в радянському середовищі. Ними були: 1) Ващенко Іван Іванович, 1887 р. народження, штабс-капітан старої армії, черговий старшина у штабі Ю. Тютюнника, приписаний до топографічного бюро; 2) Донченко Сергій Аврамович, 1883 р. народження, бухгалтер-контролер Міністерства внутрішніх справ УНР; 3) Козюлич Степан Ксенофонович, 1898 р. народження, дивізійний інтендант 4-ї Київської дивізії Армії УНР; 4) Копач Євген Іванович, 1889 р. народження, дивізійний інтендант 4-ї Київської дивізії; 5) Кравченко Петро Радіонович, 1887 р. народження, директор департаменту Міністерства землеробства УНР; 6) Красовський Олександр Дмитрович, 1890 р. народження, директор департаменту внутрішньої торгівлі Міністерства народного господарства УНР; 7) Куриленко Семен Іванович, 1885 р. народження, начальник цивільного управління МВС УНР по Волинській губернії; 8) Ступа Діонісій Іович, 1888 р. народження, командир штабної сотні 4-ї Київської дивізії.

На зазначених вище осіб в Особливому відділі Київської військової округи та в Секретно-Оперативному управлінні Київської губчека були заведені з 25 листопада 1921 р. слідчі справи, в яких відклалися такі основні види документів (подаються мовою оригіналу): “Анкета для перебежчиков или пленных закордонных государств” (38 пунктів), “Приложение № 2 к анкете опроса перебежчиков закордонных государств в отношении лиц пленных или перебежавших из банд петлюровской ориентации” (25 пунктів), “Приложение № 1 к анкете для перебежчиков или пленных закордонных государств”, “Анкета для арестованных и задержанных с зачислением за ВУЧК”, “Анкета для арестованных и задержанных с зачислением за Особым отделом КВО”, а також протоколи допитів затриманих учасників Листопадового рейду 1921 р., їхні додаткові свідчення, оперативне листування по затриманих, довідки та акти про їхню смерть чи розстріл.

Перші відомості від арештованих були отримані ще 19 листопада 1921 р. у м. Базар, потім їх перевезли до Києва, а звідти – до Харкова. Представляють інтерес низка анкетних запитань та відповіді заарештованих на деякі з них. Так, С. Куриленко дав такі відповіді на запитання “Состояние части в боевом отношении”: “Судя по моему впечатлению, состояние части было весьма плачевное”; “Боевая способность частей. Причины, действующие отрицательно или положительно”: “Боевая способность слабая. Встретили не то, что обещали”; “Политические партии, их платформы, степень влияния каждой в отдельности”: “Преобладания партийного не было, было преобладание элементов беспартийных, сочувствующих украинскому движению”; “Отношение к Советским Республикам”: “Враждебное”; “Отношение к местному населению и обратно”: “Группа относилась к населению предупредительно, к нам относились сочувственно”.

Характерно, що більшість заарештованих критично ставилися до бездатності частин Повстанської Армії Ю. Тютюнника, називали її поганою, ні на що не придатною, а настрої вояків – нестійкими, позначеними деморалізацією. Лише С. Козюлич оцінив стан військ як “середній”. Разом з тим, вони підкреслювали вороже ставлення місцевого населення Волинської губернії до “Радянських Республік”, наголошували на співчут-

ті населення до повстанців, але при цьому одностайно стверджували, що активної підтримки від місцевих мешканців вони не відчували, останні не виявляли бажання взяти участь у збройній боротьбі з більшовиками.

Учасники Другого Зимового походу добре усвідомлювали недостатність озброєння частин Повстанської Армії, проте їх надзвичайно вразила та обставина, що керівник походу Ю. Тютюнник і, вочевидь, вищі політичні кола УНР на чолі з С. Петлюрою були глибоко переконані, що вторгнення на територію радянської України військових формувань чисельністю 2–3 тис. вояків приведе до повалення радянської влади. Так, директор департаменту Міністерства земельних справ УНР П. Кравченко на допиті 23 листопада 1921 р. зазначав: “Наскільки я розумію, Тютюнник надіявся і розраховував більше на повстанські комітети, організовані ним в Україні, та їх допомогу, ніж на свої збройні загони”³.

А ось як оцінював ситуацію командир зведеної штабної сотні Д. Ступа. На допиті 25 листопада 1921 р. він повідомив: “Перед переходом через кордон Тютюнник зібрав у полі загін і сказав так: “На Україні 25 жовтня зупинився телеграф, зупинилися поїзди, весь правий берег Дніпра становить із себе клоаку, червоних військ нема, а якщо де і є, то [вони] небоєздатні, що деякі червоні частини підготовлені до переходу на наш бік...”⁴.

Тимчасом реальні події в Україні, де радянська влада рішучими заходами придушувала повстанські виступи, а застрашене цим місцеве населення ухилялося від активної боротьби з більшовиками, стали несподіваними для Ю. Тютюнника та його командирів. На настроях вояків Повстанської Армії позначились активні дії червоних військ. Це стало особливо помітним після бою під Коростенем, після чого було прийнято рішення про поворот на захід. Згадуючи той час, С. Куриленко на допиті розповів: “Помітно було, що настрої загону разом змінилися. Я чув, як офіцери пошепки перемовлялися, що справи погані, що це якась авантюра...”. А коли стало відомо, що повстанців переслідує червона кіннота, то, за словами С. Куриленка, “з усіх боків було чути одностайне бажання – швидше повернутися назад, за кордон...”⁵.

Як уже зазначалося, напередодні Листопадового рейду 1921 р. політичне та військове керівництво УНР було глибоко переконане в повному успіхові запланованої акції. Це переконання було настільки сильним, що до Повстансько-Партизанського штабу Ю. Тютюнника відрядили групу урядовців міністерств УНР для організації цивільного управління на звільненій від більшовиків території України. Серед них були вищезгадані О. Красовський, П. Кравченко, С. Куриленко. Останній, який представляв Міністерство внутрішніх справ УНР, напередодні рейду був призначений Ю. Тютюнником начальником Цивільного Управління, яке мало забезпечити порядок на Україні й запобігти проявам анархії після вигнання більшовиків.

Невдача Другого Зимового походу 1921 р., розстріл під м. Базар 359-ти його учасників справили гнітюче враження на еміграцію, посилили розбіжності в керівному середовищі УНР, у тому числі погіршили стосунки між С. Петлюрою і Ю. Тютюнником. Останній почав шукати контактів з опальним командармом Армії УНР генерал-поручником М. Омеляновичем-Павленком, що перебував у конфлікті з С. Петлюрою та його найближчим

оточенням. Однак захоплення Ю. Тютюнника радянськими спецслужбами зірвало спробу об'єднання двох видатних командирів Української Армії для евентуальної боротьби за політичне оволодіння української еміграцією і перехоплення ініціативи у цій справі в Голови Директорії УНР.

Після розстрілу в м. Базар українських повстанців співробітники Особливого відділу КВО і Київської губчека завершили допити восьми учасників Листопадового рейду.

22 січня 1922 р. в. о. слідчого відділу по боротьбі з бандитизмом Секретно-оперативного Управління ВУЧК (російська аббревіатура. – *А. К.*) Б. Козельський склав висновок по справі № 735, де висунув проти С. Куриленка, П. Кравченка, О. Красовського, С. Донченка, І. Ващенка, Є. Копаца, Д. Ступи та С. Козюлича обвинувачення в організації бандитизму та замаху на повалення робітничо-селянської влади та її заміну контрреволюційним петлюрівським урядом. На підставі зазначеного Б. Козельський пропонував обвинувачених розстріляти.

Цього ж дня, 22 січня 1922 р., судова колегія ВУЧК погодилася з цим висновком і затвердила вирок⁶.

Проте 24 січня 1922 р. начальник відділу по боротьбі з бандитизмом СОУ ВУЧК В. Горлицький звернувся з рапортом до Голови ВУЧК В. Манцева з проханням відкласти виконання вироку у зв'язку з необхідністю додаткових допитів обвинувачених з метою отримання інформації про можливі зв'язки Тарнівського центру УНР з деякими командирами Червоної Армії на Україні, на що отримав згоду⁷.

Однак з'ясувалося, що засуджені до страти П. Кравченко, С. Куриленко і О. Красовський померли від хвороби в слідчій тюрмі, відповідно, 31 грудня 1921 р. та 1 січня 1922 р. 27, 29, 30 січня 1922 р. така ж доля спіткала Д. Ступу, С. Донченка та С. Козюлича⁸. І. Ващенко та Є. Копац були розстріляні 18 лютого 1922 р.⁹

Таким чином, радянським спецслужбам не вдалося отримати важливої додаткової інформації. Разом з тим, матеріали архівно-слідчої справи № 75125 становлять науковий інтерес для вивчення питань, пов'язаних з підготовкою та перебігом Листопадового 1921 р. рейду Ю. Тютюнника в радянську Україну та характеристикою відносин у середовищі УНР.

Нижче у витягах подаються свідчення С. Куриленка, Д. Ступи, І. Ващенка, О. Красовського.

Публікацію підготував

Анатолій КЕНТІЙ

¹ *Шатайло Олег.* Генерал Юрко Тютюнник. – Львів, 2000. – С. 92.

² ЦДАГО України, ф. 269, оп. 2, спр. 130, арк. 6–6 зв.

³ Там само, ф. 263, архівно-слідча справа № 71525, арк. 135–135 зв.

⁴ Там само, арк. 115–116 зв.

⁵ Там само, арк. 135–135 зв.

⁶ Там само, арк. 198–199.

⁷ Там само, арк. 203.

⁸ Там само, арк. 191.

⁹ Там само, арк. 194.

№ 1

**Из протоколу допиту співробітником
Особливого відділу штабу КВО Воробйовим
начальника цивільного управління МВС УНР по
Волинській губернії Куриленка Семена Івановича**

25 листопада 1921 р.

[...] О существовании какого-либо Повстанческого Штаба на территории Польши было известно лишь в апреле м[еся]це, когда министром внутренних дел Белинским было сделано распоряжение по Административному департаменту составить инструкцию для действий администрации в первые моменты освобождения территории Украины от Соввласти [...]

Впервые серьезно и официально я узнал о Повстанческом Штабе Тютюнника в конце августа с[его] г[ода], когда Вл. Гинюк-Савицкий сказал мне следующее: “Вам придется как можно скорее, не позже как через пять дней, выехать в Штаб Тютюнника”. Действительно, через 3–4 дня Министр определил мою работу в штабе Тютюнника так: а) изучение системы внутреннего управления на Украине по принципам Соввласти, представление докладов и своих заключений, а также разных проектов; б) составление...* и пересмотр существующих.

Получив такие директивы и письменные предписания, я выехал во Львов в Штаб Тютюнника в качестве представителя М[инист]ра в[нутренних] дел.

Во Львове я явился к Тютюннику, который подтвердил все директивы, данные мне Министром в[нутренних] дел, и изложил свою точку зрения на организацию внутреннего управления на Украине так:

а) Правительство не должно брать на себя всей тяжести по восстановлению разрушенной общественно-хозяйственной жизни на Украине, потому что оно не может справиться с этой задачей;

б) Чтобы, т[аким] о[бразом], не скомпрометировать себя в глазах населения, вся полнота власти на местах должна принадлежать местным установлениям, организованным из местных же людей по принципу выборности;

в) Органы центральной правительственной власти вмешиваются в деятельность местных установлений постольку, поскольку последние или “не хотят”, или “не могут” выполнить возложенных на них обязанностей.

В Штабе Тютюнника я был зачислен по Гражданскому Управлению начальником Административного отдела (сначала он носил название Административно-политического, а потом была произведена перемена названия, так как фактически дела политического характера находились в ведении отдела военного управления (полк. Кузьминский и полк. Очеретько).

Начальником Гражданского Управления был полковник Добротворский. Кроме Административного отдела, было еще 2 отдела: Экономический, которым заведовал Красовский, и Транспортный, начальником которого был Яновский [...]

Относительно содействия польских властей организ[ации] Тютюнника мне известно следующее: а) выдавались документы на проезд по жел[езной] дор[оге]; б) выдавались легитимации на право жительства во Львове; в) очевидно, выплачивались и деньги, но в этом отношении поляки были очень скупы и Тютюннику нередко приходилось обращаться в Тарнов (к украинскому правительству) за денежной помощью.

Работа моя в Штабе заключалась в изучении внутреннего управления на Украине, в составлении по этому предмету докладов и инструкций. С людьми,

которые приходили из Украины, я имел возможность говорить только с Ковалем. Он рассказал мне, что украинские деятели в Киеве (и, кажется, в Полтаве) обсуждали вопросы об организации внутреннего управления на Украине; материалы по этому вопросу Коваль обещал передать мне позже, но я так и не получил их. Общее состояние Соввласти Коваль охарактеризовал, как близкое к падению, указав на неизбежность восстания и [высказал] уверенность в его успехе.

Характеризуя Соввласть, Коваль отметил, что на Украине жить очень и очень тяжело как в материальном, так и в моральном отношении; никто не может быть уверен в завтрашнем дне; аресты и расстрелы свирепствуют кругом [...]

Числа 29/X я получил документ на проезд от Львова до Сарн, но мне было сказано остановится в Костополе [...] Какой-то незнакомый мне человек спросил меня, куда я еду, а я спросил его, не знает ли он, где Добротворский? Он сказал мне, что нужно ехать на следующую станцию – Моквин. В деревушке Яснобор (в 2-х вер[стах] от Моквин) я нашел Красовского, Яновского, Добротворского и других офицеров Штаба, всего человек 15. На другой день приехал Тютюнник с Отмарштейном, Ковалевским [...]

Перед вечером Тютюнник пригласил меня к себе и сказал, чтобы я взял на себя транспортирование ящиков с деньгами, пока они не будут сданы в полевое казначейство. Я тогда заявил, чтобы дана была подвода и указал, что от начальника Гражданского Управления тов. Добротворского я до сего времени не получил никаких указаний относительно перевозки вещей Гражд[анского] Управления. Тогда Тютюнник сказал: “Н[ачальни]ком Гражданского Управления назначены Вы. Об этом уже отдано в приказе” [...]

Кажется, со 2-го на 3-е ноября в 2 часа ночи мы выехали из Яснобора и рано утром приехали в Курганы. Я лег спать и когда часа через 4–5 проснулся, то увидел большое количество прибывших людей (как узнал впоследствии – это были вызванные из лагерей украинские солдаты, которые были сконцентрированы в с. Мычки (верст 30 зап[аднее] от Моквин), которые имели уже винтовки. Я видел, как в Курганах вынимали из ящиков пулеметы. Винтовки были розданы в Курганах. Всего винтовок было около 400, пулеметов – 32 (как мне передавали), а людей было больше 1 тысячи.

В шесть час[ов] веч[ера] в тот же день из Кургана направились на восток и ночью (с 3-го на 4-е) перешли границу. Название пункта перехода мне неизвестно. В первом селении за границей без боя была снята застава или пограничный отряд. Для меня, как гражданского человека, казалось, что все происходит так, как и говорил Тютюнник – продвижение вглубь Украины без препятствий, т[ак] к[ак] советские власти ушли на левый берег Днепра. Тут я обратился к Тютюннику за указаниями, что же делать относительно установления гражданской власти? На это он мне сказал: “Здесь ничего, когда нужно будет, я дам Вам соответствующие указания”. Я поинтересовался, как скоро это будет, и в каком районе. Тютюнник указал мне три таких района – Овручский, Житомирский и Заславский. После этого случая у меня никаких разговоров с Тютюнником не было.

Первое недоумение и разочарование наступили числа 6–7, когда брали Коростень. Поражение под Коростенем и паническое отступление под обстрелом бронепоезда свидетельствовали о присутствии советских войск в Коростене и об их сопротивлении, а не о пассивной сдаче или переходе на сторону Тютюнника. Заметно было, что настроение отряда разом изменилось. Я слышал, как офицеры шепотом переговаривались, что дела плохи, что это какая-то авантюра; недоумевали, зачем нужно было брать Коростень. Я ничего не понимал. И когда на другой день спросили Отмарштейна об Коростенском бое, то он сказал мне: “Все обстоит

благополучно, Коростеня мы и не хотели брать, нужно было сделать там только переполох”.

Дальше помню, что мы проходили с. Дедковичи, ст. Чоповичи, где был поврежден ж[елезно] – д[орожный] путь, перерезаны телеграфные провода, у станции была безрезультатная перестрелка. Отряд пошел в направлении к Радомышлю – Коростышеву. Вот в этом районе, кажется, начинается преследования отряда Тютюнника, как говорили, кавалерийским разъездом.

Это преследование, хотя оно было слабым, страшно изнуряло и нервировало людей. Количество раненых увеличивалось с каждым днем, обременя санитарный обоз. Покрутившись безрезультатно дня 2 в районе Радомысльского уезда, отряд направился в северном направлении. Перешли линию ж[елезной] д[ороги] у ст. Трубецкая, думали остановиться на ночлег в ближайшем селе за полотном ж[елезной] д[ороги], однако преследование снова возобновилось. Говорили, что это милиция стреляет из-за кустарников, однако от нее никак не могли отделаться. Настроение измученных людей было окончательно подавленное. Со всех сторон было слышно единодушное желание – скорее возвратиться назад за границу.

В такой обстановке отряд в ночь с 15-го на 16-е дошел до ст. Б[ольшие] Бешки, где остановились на ночлег. Привал был назначен до 2-х ч[асов]. Однако уже часов в 10 утра было отдано распоряжение стянуть обоз и вместе с тем начали выступать из деревни. В арьергарде послышалась стрельба, по краям села маячили всадники. Когда вышли из села, то я увидел большое количество конницы, которая преследовала нас с двух сторон. В общем началась большая паника. Штаба не было видно, распоряжения не давались никакие, потеряли направление, свернули с дороги направо. Пулемет преследовал, коннице наносили громадные поражения. Дальше идти было некуда. Остановились. Подняли руки. Конница Котовского окружила и взяла остатки недобитого отряда в плен. Куда девался Тютюнник и приближенные его Штаба, я не знаю [...]

ЦДАГО України, ф. 263, архівно-слідча справа № 71525, арк. 119–121 зв. Копія. Машинопис.

* Пропуск у тексті.

№ 2

З протоколу допиту уповноваженим Особливого відділу ВУНК Френкелем командира зведеної штабної сотні Повстанської армії Ю. Тютюнника Ступи Діонісія Іувича

25 листопада 1921 р.

[...] Повстанческий штаб был организован при исключительном участии польского Генерального Штаба, снабжавшего штаб Тютюнника всем необходимым. Время организации повстанческого штаба относится еще к апрелю месяцу. Штаб был первоначально сформирован в Тарнове, а потом переехал во Львов [...] В Штабе Тютюнника работали польские офицеры Генерального Штаба, как два постоянных представителя польского Генерального Штаба при Тютюннике являлись поручик Маевский и поручик Ковалевский. Штаб Тютюнника состоял из полковника Отмарштейна – начальника штаба, полковника Добротворского, начальника гражданского управления; полковника Очеретько, начальника контрразведки и урядовца Хоха, начальника интендантской части и проч[их] мелких чиновников, всего в штабе было от 100 до 110 человек [...]

Повстанческий штаб не только организовывал на территории Польши вооруженные отряды для борьбы с Соввластью, но вместе с тем и руководил деятельностью оперировавших на Украине банд и давал [им] соответствующие оперативные задания. Для постоянной связи с этими бандами отправлялись многие подпольные работники, которые тоже снабжались документами от польского Генерального Штаба.

Для организации повстанкома на Украине из охотников – офицеров, преимущественно из Киевской дивизии, посылались группы по 10–15 человек. Вся Украина была разделена на 24 округа. Личного состава повстанкома я не знаю, за исключением Штаба Холодный Яр и его филиальных отделений по Чигиринскому и Александрийскому уездам, штаба атамана Нестеренко в районе г. Елисаветграда, учителя Емпенко, псевдоним Око, район сел Диковка или Глинское Александрийского уезда, Дорошенко – район Златополя, район Глодное Елисаветградского уезда – учительский персонал гимназии и полковник Вербицкий [...]

Поход свой Тютюнник начал из сел В. Студень, Малые и Большие Мыцки Ровенского уезда. Не доходя верст 20 до границы в одной немецкой колонии, название которой я не знаю, в присутствии поручика Маевского было выдано оружие: 400 винтовок, 30 или 40 пулеметов системы Максима [и] Кольта и французские гранаты. Патронов было выдано в среднем по 50–70 штук на бойца.

Перед переходом через границу Тютюнник собрал на поле отряд и сказал так: “На Украине 25 октября стал телеграф, стали поезда, весь правый берег Днепра представляет из себя клоаку, красных войск нет, а если где есть, то [они] небоеспособны, что некоторые красные части подготовлены к переходу на нашу сторону, что бывшие командиры некоторых красных частей уже перешли на нашу сторону и разъезжают по селам, организовывая повстанческие отряды”.

Когда доложили Тютюннику о плохом состоянии обмундирования и вооружения, он сказал, что об этом беспокоиться нечего, ибо через два дня после перехода через границу все будут одеты, сыты и вооружены. Когда перешли границу, сопротивления никакого до самого Коростеня не встречали. Пулеметы перевозились на подводах польских селян и на них перевозились верст на 15–20 за границу, за что крестьянам было уплачено по 500 марок каждому.

После перехода границы был пойман какой-то командир рабочего батальона, раздет и расстрелян полковником Хословским. Всего, по-моему подсчету, расстреляно около 30 человек, не считая тех, которые были убиты в Коростене [...]

Нападение на станцию Коростень было неудачно, если бы не подошли при помощи одного писаря какой-то красной части, знавшего пропуск, ворваться в Коростень не удалось бы. [После появления] своевременно броневика* красного, вся банда разбежалась. Нападение на станцию Чоповичи тоже не увенчалось успехом и с этого момента в банде начался глухой ропот и усиленное дезертирство.

Генерал Гулый-Гуленко, быв[ший] капитан русской армии, является организатором повстанцев Херсонской и Екатеринославской губ[ерний]. Насколько мне известно, 25 октября с румынской территории имел выйти конный отряд Гулого-Гуленко в количестве 150 сабель как авангард, а через неделю должен был выйти и он сам совместно с Махно, который в данное время стоит под флагом Украинской Народной Республики.

Насколько мне известно, к Гулому имели прийти около 3 тыс. человек организованных немцев-колонистов, населяющих Тираспольский уезд Херсонской губ[ерний]. Точное нахождение его штаба я не знаю, но слышал, что сам он жил в Кишиневе и Яссах, координируя все свои действия с Тютюнником. Гулый-Гуленко несколько раз приезжал в Калиш со своим адъютантом для набора специалистов

и охотников. Гулый пользовался большой популярностью среди населения Елисаветградского уезда Херсонской губ[ернии].

Планы Тютюнника на случай успеха его похода в корне мне неизвестны, но циркулировали слухи, что ввиду того, что звезда Петлюры поблекла среди населения, Тютюнник, на случай успеха, до созыва Украинского Учредительного Собрания объявит себя директором [...]

ЦДАГО України, ф. 269, архівно-слідча справа № 71525, арк. 115–116 зв. Копія. Машинопис.

* Йдеться про бронепοїзд.

№ 3

Із протоколу допиту уповноваженим Особливого відділу штабу КВО Тартаковським старшини для доручень при штабі Повстанської армії Ващенка Івана Івановича

26 листопада 1921 р.

[...] В конце октября, когда отдельные партии из штаба Повстанческой армии во главе с Тютюнником были собраны в районе ст. Моквин, на другой день прибыли и вагоны с оружием. 30-го был отдан приказ о выступлении по грунтовым дорогам. Я был при штабе армии, который стоял в деревне Моквин, а строевые части были в окрестностях. Штаб с отрядом соединился в с. Курганы, куда было подвезено на подводах оружие и там же выдано. Когда были собраны части, то Тютюнник произнес речь приблизительно такого содержания: “На Украине, особенно на Правобережье, восстание против Соввласти, красноармейцы убегают в Россию и наша задача идти на Украину, чтобы не допустить страну до анархии”. С отрядом были польские офицеры, поручик Ковалевский (из Д.О.Г. Львовского) и поручик Маевский, кажется из г. Ровно [...]

В ночь с 3-го на 4-е ноября отряд Тютюнника в районе с. Нетребы перешел границу. Причем в пограничном пункте польском было взято 14 лошадей и вообще, кажется, [была] проделана комедия с обезоруживанием. Границу перешли в очень лесистом районе, верст на 30–40 южнее г. Олевска. Через день отряд прошел севернее м. Эмильчино, верст на 15, где были слухи, что недалеко находится отряд генерала Нельговского, который недавно обезоружил в м. Эмильчино советский кавалерийский отряд, около 42-х коней.

До Коростеня отряд шел по глухим лесным дорогам и пути никто не знал, ибо Тютюнник указывал только дорогу от села до села и, кажется, оперативных приказов не было на бумаге выдаваемо, а Тютюнник отдавал приказы начальнику штаба Отмарштейну, а тот – в порядке подчиненности. Числа 10-го ноября, ночью, подошли к г. Коростеню и был сделан налет с двух сторон. Одна группа под начальством полковника Ступицкого зашла в город с юго-западной стороны, а другая напала на вокзал. Обоз был около взорванного мостика. Налет был сделан около 400 человеками, так как столько же было винтовок. К часам 12-ти нападавшие вернулись и привезли около 15–20 раненых, и все поспешно стали отступать назад.

Приблизительно через час подоспевшим броневиком* по отступающим [была] открыта стрельба. Выпущено было около 20–30 снарядов, из которых разорвалось два. В Коростене были выпущены из тюрьмы какие-то заложники, а также взято около 60–70 пленных. После Коростеня остановились в с. Дедкови-

чах, потом [был] этап прохождения севернее ст. Чоповичи, куда при следовании был отправлен отряд, где был небольшой бой. В с. Обиходовка были забраны коровы, обобраны совхозаиства. Там же к отряду пристал человек, отбившейся от бывшего отряда Паляя. Обиходовку отряд Черного прошел перед тем вечером.

Через день после прохода около Чоповичи, при проходе отряда через какое-то село на хвост колонны наскочила советская кавалерия, которая гнала отряд целую ночь, пока он, не перешедши какую-то реку по мосту около мельницы, не скрылся в лесах. После отряд прошел около ст. Трубецкой и проблуждал в лесах. Были слухи, что тут мы должны встретиться с отрядом Орлика и Струка. В лесах этих были сделаны две неудачные попытки остановиться на ночлег в деревнях, но гарнизонами деревень были отбиты и пошли бродить по лесу. Проводника не было. Там, в лесу, Тютюнник пытался сократить обоз, выбросив частные возы и были оставлены 300 пик.

Блуждая в лесу, переправились вброд через какую-то реку, кажется Тетерев, и опять шли целый день и на ночь остановились в каком-то местечке, где есть костел. После этого шли день и ночь и около 5–6 часов утра 16 или 17 ноября остановились в с. Миньки. Часов около 12 дня с подоспевшими разъездами дивизии Котовского завязалась перестрелка и началась паника.

Тютюнник вместе с конной сотней выехал вперед и скрылся, а весь отряд замешался и начал бежать в противоположную сторону от выстрелов. Очевидно, в дороге обоз и колонна разорвались, успела уйти в лес одна часть, а другая в панике выбралась на открытую равнину, где была охвачена подошедшей кавалерией, окружена и взята в плен.

Мною было замечено, что кавалеристы, подъезжая к сдавшимся, вкладывали шашки в ножны. Как узнал впоследствии, такой был приказ Котовского, чтобы пленных не рубить и не раздевать. На той равнине от пулеметного огня было убито до 100 человек. В общем, должен отметить, что после ст. Чоповичи движение [отряда] напоминало агонию раненого зверя. Люди устали и были голодны. Точной картины я не могу себе представить [...]

ЦДАГО України, ф. 263, архівно-слідча справа № 71525, арк. 135–135 зв. Копія. Машинопис.

* Бронепоездом.

№ 4

**Із протоколу допиту співробітником
Особливого відділу штабу КВО Воробйовим
директора департаменту внутрішньої торгівлі
Міністерства народного господарства
УНР Красовського Олександра Дмитровича**

26 листопада 1921 р.

[...] Организация Повстанческого Штаба производилась Тютюнником под непосредственным управлением Петлюры [...].

Идея похода на Украину возникла в кругах, непосредственно близких к Петлюре, уже давно. В первое время, около Рождества, Петлюрой было созвано совещание высших воинских чинов, на котором обсуждались возможность и способы возвращения на Украину. Не знаю подробностей этого совещания, но результаты были таковы. На внешнюю помощь надежд не оставалось. Приходится бороться своими силами, а таковой является украинское крестьянство, которое по характе-

ру своего хозяйства ни в коем случае не может примириться ни с политикой, ни с политической, ни тем более с экономической диктатурой пролетариата. Отсюда вывод – необходимо провести серьезную подготовительную работу по организации восстания на Украине.

Для этой работы был избран Тютюнник, которому и было поручено организовать Штаб. Вся эта подготовленная работа проводилась в строгом секрете как от эмиграции в целом, так и от политических партий. Я лично узнал об этом от полковника Добротворского уже во время своего пребывания во Львове. Первый раз эта конспирация была немного приоткрыта Тютюнником в конце мая на заседании Рады Республики, где он делал доклад о подготовке восстания. Как мне передавали некоторые из депутатов, по его словам, вся Украина покрыта [повстанческими] организациями и достаточно одного нажима из Тарнова, чтобы Украина была очищена от советских войск. Но вместе с тем Тютюнник требовал наиболее энергичной работы от правительства по добыванию оружия, так как выгнать [большевиков] можно, но без оружия удержаться нельзя. Вместе с тем он требовал представителей от министерств [к] своему Штабу для штудирования существующего на Украине положения.

Дальнейшие события как будто только подтверждают слова Тютюнника. Голод чуть ли не в 20 губерниях Советской Федерации, неслыханный кризис промышленности, сильный налоговый пресс на крестьянство давали почву, на которой легко могло вспыхнуть гражданское восстание. Постоянные ходоки из Украины только укрепляли это положение. Красная армия не была одета, голодна, ежеминутно готова разбежаться или взбунтоваться. Давнишние сообщения Штаба Тютюнника и польского [Штаба] говорили о тех колоссальных усилиях, какие приходится употреблять для недопущения неорганизованного и анархистского восстания.

Со всех сторон шли угрозы близкой анархии, которая смела бы последние ресурсы экономического благосостояния страны. С другой стороны, начали проявлять непривычную активность монархические украинские и русские группы. Через кордон начали проходить их агенты. Из таборов началось бегство в Германию. Опасность акции со стороны монархистов создала впечатления, что всякий потерянный день может вызвать там, за Збручем, операцию, остановить которую без новой, чьей-либо оккупации организованные элементы не будут в силе. Такой была психологическая атмосфера в момент выхода. Была не [только] надежда, а почти полная уверенность в успехе. Боялись борьбы с анархией, а не с организованным, как казалось, государством [...]

ЦДАГО України, ф. 263, архівно-слідча справа № 71525, арк. 127–129 зв. Копія. Машинопис.

Kentiy A.

**On History of November Raid (1921) of UNR Army Commanded
by Yu. Tiutiunyk to Ukraine
(Documents of TsDAHO of Ukraine Related to Some Raid Participants' Lives)**

Based on the investigation file (TsDAHO of Ukraine), the article highlights the issues related to preparation and implementation of November Raid (1921) of UNR Army commanded by Yu. Tiutiunyk, to Soviet Ukraine; it also describes the relationships within the Army. The article includes unknown evidences of 4 (out of 8) UNR Army captives who were interrogated with a view of getting information related to the UNR political leadership and agents within Soviet environment.